

УДК 81'36-02.7.2.1+81-112(47+57)"19/20"
DOI 10.35254/bsu/2024.69.05

*Бекбалаев А.А.,
КРСУ им. Б.Ельцина,
д.ф.н., проф.*

*Джаркинбаева Н.Б.,
БГУ им. К. Карасаева
к.ф.н., доц.*

*Жумакеева Э.Б.
БГУ им. К. Карасаева
к.ф.н., и.о. доц.*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аннотация

Статья представляет обзор функциональной грамматики, акцентируя внимание на связи между формой и функцией языковых единиц. Рассматривается развитие подхода с середины XX века, включая концепции функционально-семантических категорий и полей. Обсуждается применение на различных уровнях языка: фонологии, морфологии, синтаксисе и дискурсе. Особое внимание уделяется категориям аспектуальности, временной локализованности и модальности. Анализируются работы А.В. Бондарко, Д.Н. Шмелева, Т. Гивона, У. Трайба и других. Проводится сравнительный анализ английского и кыргызского языков, выявляя отсутствие инфинитива в последнем и его замену формами повелительного наклонения и именами действия. Это подчеркивает необходимость создания отдельных функционально-семантических полей для каждого языка, что способствует более точному анализу языковых структур.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, функционально-семантическая категория, модальность, аспектуальность, временная локализованность, суперсегментная единица, дискурс.

*Бекбалаев А.А.,
Б. Ельцин атындагы КРСУ,
ф.и.д., проф.*

*Джаркинбаева Н.Б.,
К. Карасаев атындагы БМУ
ф.и.к., доц.*

*Жумакеева Э.Б.
К. Карасаев атындагы БМУ,
ф.и.к., доц.м.а.*

СОВЕТТИК ЖАНА ПОСТСОВЕТТИК ТИЛ ИЛИМИНДЕГИ ФУНКЦИОНАЛДЫК-ГРАММАТИКАЛЫК ИЗИЛДӨӨЛӨР

Кыскача мазмуну

Макалада лингвистикалык бирдиктердин формасы менен функциясынын ортосундагы байланышка басым жасалып, функционалдык грамматикага сереп берилет. 20-кылымдын ортосунан тартып мамиленин өнүгүшү, анын ичинде функционалдык-семантикалык категориялар жана талаалар жөнүндө түшүнүктөр каралат. Тилдин ар кандай деңгээлдеринде: фонология, морфология, синтаксис жана дискурста колдонулушу талкууланат. Аспектуалдуулук, убакыттык локализация жана модалдуулук категорияларына өзгөчө көңүл бурулат. А.В. Бондарко, Д.Н. Шмелев, Т. Гивон, У. Трайб жана башкалардын эмгектери талданат. Англис жана кыргыз тилдеринин салыштырма анализи жүргүзүлүп, кыргыз тилинде инфинитивдин жоктугу жана анын буйрук ыңгай формалары менен кыймыл-аракеттин аталыштары аркылуу алмаштырылышы аныкталат. Бул ар бир тил үчүн өзүнчө функционалдык-семантикалык талааларды түзүү зарылдыгын белгилейт, бул тилдик структураларды так талдоого өбөлгө түзөт.

Түйүндүү сөздөр: функционалдык грамматика, функционалдык-семантикалык талаа, функционалдык-семантикалык категория, модалдуулук, аспектуалдуулук, убакыттык локализация, суперсегменттик бирдик, дискурс.

Bekbalaev A.A.,

*KRSU named after B. Yeltsin,
D.Sc., Prof.*

Dzharkinbaeva N.B.,

*K. Karasaev BSU,
PhD., Associate Prof.*

Zhumakeeva E.B.

PhD., Acting Associate Prof.

FUNCTIONAL AND GRAMMATICAL STUDIES IN SOVIET AND POST-SOVIET LINGUISTICS

Abstract

This article reviews functional grammar by examining the relationship between the forms and functions of linguistic units. It traces development since the mid-20th century and discusses concepts such as functional semantic categories and fields. Applications in phonology, morphology, syntax, and discourse were addressed, focusing on aspectuality, temporal localization, and modality. Works by A.V. Bondarko, D.N. Shmelev, T. Givón, U. Tribe, and others are analyzed. A comparison of English and Kyrgyz shows that Kyrgyz lacks infinitives, using imperative forms and action names instead. This highlights the need for distinct functional semantic fields per language structure for a precise analysis.

Keywords: functional grammar, functional-semantic field, functional-semantic category, modality, aspectuality, temporal localization, super-segmental unit, discourse.

Заглавие статьи не подразумевает противопоставления советского и постсоветского периодов языкознания. Мы говорим о времени с 80-х годов прошлого века до настоящего момента, когда распад СССР произошел в 90-х. В этот период языкознание развивалось по своим законам. Направление “функциональная грамматика”, возникшее во второй половине прошлого века, активно зарождалось и развивалось как в Советском Союзе, так и в новых суверенных республиках.

Лингвистическое направление “функциональная грамматика” изучает взаимосвязь между функциональной и грамматической сторонами языка. Функциональная сторона относится к назначению языка выполнять определенные функции, а грамматическая – к его внутреннему строению. Кроме того, “грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенных на основе общности их семантических функций” в данном контексте включает средства разных языковых уровней, объединенные общими семантическими функциями [1, с. 565].

Функциональный аспект “грамматики данного типа” разносторонне рассматривался в направлении “функциональная грамматика”: анализировались сдвоенные грамматико-лексические частеречные единицы, лексико-семантические понятийно ограниченные единицы, грамматические единицы в речевом акте, синтаксические единицы в структуре высказывания, грамматические единицы в функциональном синтаксисе и др. Мы предпочитаем присоединиться к мнению известного русского советского ученого А.В. Бондарко [2], который, на наш взгляд, внес наиболее значимый вклад в становление теории функциональной грамматики.

Данный понятийный нюанс заключается, в трактовке А.В. Бондарко, в том, что основные элементы в его теории функци-

ональной грамматики находятся между собой в состоянии взаимопритяжения. Так, “их общие семантические функции” есть функции частного характера, каждая из которых принадлежит какой-либо определенной языковой структуре, единице, элементу, компоненту. И данная частная семантическая функция направлена из внутренней стороны языка, из интралингвистики на внешнюю сторону языка, на экстралингвистику. И в то же самое время из внешней стороны языка, из экстралингвистики, на внутреннюю сторону языка, на интралингвистику направлена также объемная семантическая функция, обозначенная как “функционально-грамматическая,” или “функционально-семантическая категория” [2, С. 11-13].

И при этом обе эти функции: частная семантическая функция и общая функционально-грамматическая (семантическая) категория (т.е. функция) – встречаются и взаимодействуют во внутренней стороне языка, в интралингвистике. Общая функционально-семантическая категория не только взаимодействует с частной семантической функцией, но также притягивает и даже “покрывает” ее своим широким семантическим объемом. Например, свойство темпоральности как временной признак действия или состояния может быть представлена как общая функционально-семантическая категория, присущая языковой системе как таковой. Но в то же время различные языковые элементы, формы и структуры также могут эксплицировать этот семантический признак, но только в меньшем объеме. Например, английский глагол в Present Indefinite Tense эксплицирует темпоральный признак настоящего неопределенного времени; или: английское существительное *morning - утро* эксплицирует темпоральный признак “время суток после восхода солнца”; или: наречие времени *before* эксплицирует темпоральный признак “более раньше”; или же: придаточное предложение *As I was going*

down the road, I met your aunt (Когда я шел по улице, я встретил вашу тетю), – признак одновременности.

Но взаимодействие и объединение частной семантической функции и признака, и общей функционально-семантической категории происходит не только в общей системе интралингвистики, а более конкретно и точно на определенном лингвистическом пространстве, которая объединяется общей функционально-семантической категорией, например, темпоральности. Данное пространство обозначается в направлении функциональной грамматики “функционально-семантическим полем” (далее – ФСП).

Одной из лингвистических координат является сопоставительная конфронтация языков, при котором, сравниваются языки генетически неродственные и типологически разнотипные. То есть другими словами, одной из основ нашей работы является сопоставление языков, при котором самые разнообразные системы лексико-грамматических средств из сравниваемых языков анализируются в их синхронизации, а именно, с позицией сегодняшнего дня [3, с. 7].

Таким образом, теория функциональной грамматики с её основными непосредственно составляющими: общей функционально-грамматической (-семантической) категорией, частными функционально-семантическими категориями (признаками) и соответствующими функционально-семантическими полями – представляются как бы универсальными языковыми явлениями, пригодными для объяснения многих лингвистических фактов.

Мы попытаемся проследить, имеет ли место быть такая универсальность на материале приведенных в этой области языкознания: “Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис.” (Авторы: А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, В.С. Храковский, В.П. Неделков, Ю.С. Маслов,

С.М. Полянский, Т.Г. Акимова, Н.А. Козинцева, Т.А. Отаина), 1987 [4]; и “Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность.” (Авторы: А.В. Бондарко, Л.А. Бирюлин, Е.Е. Корди, Г.Г. Сильницкий, М.А. Шелякин, Е.Н. Беляева, С.Н. Цейглин, В.С. Храковский), 1990 [5].

Два названных трудов открывают “серию монографий, в которых разрабатывается одна из возможных моделей функциональной грамматики ... с элементами сопоставительного анализа. Данная серия монографий представляет собой первый опыт развернутого теоретического анализа системы функционально-семантических полей, базирующихся на основных семантических категориях, таких, как аспектуальность, темпоральность, модальность, бытийность, персональность ...” [4, с. 2].

Мы хотим разобраться с вопросами того, как, каким образом и на каком грамматическом материале в теории функциональной грамматики изучаются разнопорядковые функционально-грамматические (-семантические) категории, которым было уделено внимание в означенных двух коллективных трудах. Именно эти три функционально-семантические категории (аспектуальность, временная локализованность и модальность) представляются нам наиболее подходящими для нашего исследовательско-методологического рассмотрения, поскольку они манифестируют разнообразные и разноаспектные стороны языка.

Однако прежде чем приступить к заявленному аналитическому рассмотрению следует ввести те основные термины и понятия, которые широко используются в данном направлении функциональной грамматики. Отметим при этом основное свойство функциональной грамматики: она использует комплексный и интегрирующий подход, “при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства” [4, с. 7].

В функциональной грамматике используется понятие “функция”, которая понимается как предназначенность, действие и результат этого действия одновременно. Например, функция предложения есть одновременно предназначенность, действие и результат его применения при номинации некоторого отрезка внеязыковой реальности.

Термин и понятие “высказывание”, применяемые в функциональной грамматике, являет собой то минимальное лексико-грамматическое единство, обладающее понятийной значимостью в речи и осуществляющее коммуникацию. Это может быть понятийная часть предложения, абзаца или сверхфразового единства.

Термин и понятие “функционально-грамматическая категория”, или просто “семантическая категория”, являет собой тот минимальный понятийный признак, присущий какому-либо языковому элементу, независимо от уровня его расположения и его места в системе языка. Например, семантический признак локальности может быть присущим имени существительному (*предгорье, заречье, пик Победы и др.*), наречию места (*вблизи, здесь, там и др.*), какому-либо предложению (*Школа располагается на широкой улице*) и даже служебным словам – предлогам (*на, под, от и др.*).

Сам релевантный термин и понятие ФСП представляет собой “базирующееся на определенной семантической категории группировку грамматических и “строєвых” лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций” [4, с. 11].

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ. Под этим термином понимается широкая функционально-грамматическая категория (которая обозначается еще как функционально-семантическая категория), обозначающая особые свойства действия, а также “характер протекания процесса в его отношении к внутреннему пределу, результату, длительно-

сти, повторяемости и т.п.” [6, с. 75; 4, с. 40].

Функционально-семантическая категория аспектуальности, может быть для более лучшего восприятия представлена как временное динамическое течение действия или же также временной статическое проистекание процесса и являет собой функционально-семантическую категорию аспектуальности.

Функционально-семантическая категория аспектуальности образует одноименное ФСП аспектуальности, или иными словами является той лакмусовой бумажкой, при взаимодействии с которой та или иная частная функционально-семантическая категория (или просто семантическая категория или семантический признак) проявляет свою аспектуальность и, следовательно, может быть причислены к ФСП аспектуальности.

Семантические признаки аспектуальности выступают в коррелятивных парах, обозначал понятие действия или состояния, при экспликации высказываний, словосочетаний и отдельных лексем: длительность – краткость, начальность – финальность, однократность – повторяемость, законченность – незаконченность, предельность – беспредельность и др.

Следует подчеркнуть, что теория функциональной грамматики выявляет такие аспектуальные семантические признаки не только у частеречных глаголов, но также во всех значимых языковых единицах: в других частях речи, в соответствующих словосочетательных структурах, в соответствующих предложениях-высказываниях и даже в неполнозначных предлогах, например в английском языке: *on, in, at, before, after, until, till, during, between* – имеют значения времени, а, следовательно, эксплицируют аспектуальность.

В силу того, что функционально-семантическая категория аспектуальности многопризнаковое явление, то оно образует ФСП аспектуальность полицентрического типа, в котором каждое ФСП “ха-

рактируется разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты” [4, с. 35].

ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ. Под данной общей функционально-семантической категорией в теории функциональной грамматики понимают такое лингвистическое явление, при котором развития действия или же проистекание процесса (состояния) происходит строго в очерченных временных границах.

“Локализованность – нелокализованность ситуации во времени представляет собой один из обязательных актуализационных признаков любого высказывания” [4, с. 211].

В речевой ситуации семантическая категория временной локализованности является одним из облигаторных признаков высказывания, но эта же самая семантическая категория уже в системе языка в структуре предложения трансформируется в грамматическую категорию предикативности, соотнося смысл предложения с реальной действительностью.

Общая функционально-семантическая категория временной локализованности главным образом “отождествляется с обозначением даты, точного времени ... при наличии обозначенной даты и других временных ориентиров речь может идти о варианте “фиксированной локализованности во времени” [4, с. 214; 7, С. 12-13].

Временная локализованность в качестве общей функционально-семантической категории актуализирует речевое высказывание свойством точности временного предела: временной конкретностью, временной фиксированностью – и в качестве такого функционально-грамматического актуализатора (семантической категории) конституирует ФСП временной локализованности.

МОДАЛЬНОСТЬ. Данное языковое явление понимается “понятийная категория со значением отношения говорящего к

содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, выражаемая грамматическими и лексическими средствами: формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п.” [6, с. 237].

Функционально-семантическая категория модальности представляет собой широкую понятийно-грамматическую единицу и имеет свою основную коррелятивную дифференциацию, а именно, классификационное членение на модальность объективного порядка и субъективного.

“Объективная модальность – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение” [1, с. 303]. Объективно модальными единицами и структурами признаются все те реально существующие в грамматике языка категории, которые способствуют конструированию предложения, а именно, структура предикативного предложения, категория модальных глаголов, формы глагольного наклонения, формы глагольного времени, звуковая интонация предложения.

И если трансформировать в процессе аналитического исследования категория объективной модальности в функционально-семантическую категорию объективной модальности, способную образовывать ФСП объективной модальности, то все вышеперечисленные формы, единицы, и структуры, эксплицирующие в языковой системе признак объективной модальности, аналогичным образом должны быть трансформированы в семантические признаки, конституирующие непосредственное заполнение лингвистического пространства означенного широкого поля объективной модальности [5, С. 59-60; 8, С. 725-726].

“Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания ... Смысловую основу субъек-

ективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова” [1, с. 303]. К субъективно модальным формам, единицам и структурам в языке могут быть отнесены такие языковые категории, которые отвечают двум требованиям: во-первых, они имеют необлигаторный характер, а, во-вторых, заключают в себе смысловую оценку рационального порядка (логическое, интеллектуальное) или же иррационального порядка (эмоциональное, экспрессивное). Субъективно модальные свойства эксплицируют следующие языковые единицы и структуры: модальные слова, модальные частицы, междометия, вводные слова и словосочетания, предложения, звуковую интонацию вводности и фразовое экспрессивное ударение.

Если же мы трансформируем грамматическую категорию модальности в функционально-семантическую категорию субъективной модальности и спроецируем покрываемые ею лингвистические единицы на некоторое лингвистическое пространство, то мы конституируем ФСП субъективной модальности. Вся внутренняя сторона площадь такого поля заполняется означенными выше субъективно модальными формами, единицами и структурами, которые должны проявлять определенную категориальную оценку [5, С.61-62; 9, С. 89-91; 7, С.67-68; 10, с.11].

Мы подвергли лингвистическому изучению только три общие, основные функционально-семантические категории, а также связанные с ними частные семантические категории, которые все вместе конституируют три ФСП: аспектуальности, временной локализованности и модальности. Все указанные категории объединяет то, что они формируют функционально-семантические поля (ФСП), заполняя их языковыми единицами (лексемами, словосочетаниями, предложениями и др.), обладающими как содержанием, так и формой.

Но на рубеже советского и постсоветского периодов развития языкознания по-

явились лингвистические исследования, в которых функционально-грамматическому (-семантическому) анализу подвергались неполнозначные языковые единицы и сущности, такие как фонетические структуры, морфологические структуры, словообразовательные структуры и синтаксические структура. К подобным лингвистическим исследованиям можно причислить две коллективные монографии сотрудников Института русского языка АН СССР: “Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика”, 1989 (Авторы: В.Н. Шмелёв, О.П. Ермакова, и Е.В. Красильникова) [11] и “Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Морфология. Словообразование. Синтаксис”, 1991 (Авторы: Н.Е. Ильина, В.Л. Воронцова, С.Н. Борунова, Е.И. Голанова, Е.А. Земская и Е.Н. Ширяев) [12].

Из всех вышеперечисленных языково-уровневых единиц для нас представляют интерес две уровневые единицы, по одной из каждой коллективных монографии, которые были изучены в рамках функциональной грамматики и которые являют собой наименее содержательные структуры и являют собой одновременно наиболее выразительные структуры. Это: уровневая единица “Суперсегментная фонетика” из первой монографии “Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект” от 1989 г. и уровневая единица “Словообразование” из второй монографии “Грамматические единицы. Функционально-стилистический аспект” от 1991 г.

СУПЕРСЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА. Теоретический вопрос о возможности невозможности рассматривать звучащую сторону языка, основа которой состоит из фонем (различающих смыслы, но не обладающих смыслами), в направлении “функциональной грамматики” имплицитно уже разрешен в заглавии монографии, содержащем обе означенные

номинативные составляющие: “Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект”. Но, видимо, для возможного возражения о том, что семантические методы мало пригодны для анализа собственно фонетических структур и явлений, авторы сочли необходимым замену термина “семантический” на термин “стилистический”.

Суперсегментными в лингвистической науке “фонетика – фонология” признаются звуковые единицы и сущности: интонация, паузирование, логическое ударение и темп речи. Сегментными же звуковыми единицами и сущностями остаются фонемы: гласные и согласные, а также слоги; правда, статус последних является спорным, сегментная или же суперсегментная единица эта единица речи [13, с. 311].

Для более весомого подтверждения своего методологического подхода о возможности анализировать фонетические явления в направлении “функциональной грамматики” авторы приводят два довода. Во-первых, это идея о том, что “формальная сторона языковых явлений лежит на поверхности грамматики, поэтому она и была описана столь тщательно на протяжении многовековой истории грамматической науки. Функциональная же сторона, как и само понятие функции, еще находится на начальном этапе изучения” [11, с. 8]. А, во-вторых, это – развивающая вышеприведенную идею мысль о том, что “функционально-стилистическая характеристика грамматических средств языка, как и других языковых средств, предполагают выяснение возможностей их функционирования в условиях языкового общения, т.е. в конечном итоге - в различных типах речи” [11, с. 7].

Основной единицей звучащей речи, релевантной для конституирования высказывания (как звучащего предложения) авторы закономерно признают интонацию высказывания. И, в самом деле, интона-

ция высказывания, как реализованного в речевой ситуации предложения, непосредственно включающая в себя свои просодические характеристики и мелодику артикуляции, являет собой такую звуковую структуру, которая также образуется присоединением к ней и других единиц звучащей речи: паузирования, логического (фразового) ударения, темпа речи, включая также и тембра речи [11, С. 34-35; 1, С. 197-198].

Интонация обычно выражается в специализированных интонационных структурах (ИК), которых в усредненных речевых ситуациях насчитывают 6: 2 для повествования, 2 для вопроса, и 2 для выражения восклицания [11, С. 35-38]. Именно такая интонационная конструкция представляет собой общую функционально-семантическую категорию, которая должна конституировать и дать предпосылки для дальнейшего функционирования одноименного ФСП [11, С. 70-73].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. Авторы функционально-грамматического анализа явления словообразования в аспекте направления функциональной грамматики и разрезе теории ФСП в своей вводной части сразу же предупреждают, что “грамматическая система языка (в том числе и словообразовательная) развивается по своим законам” [12, с.102].

Но в дальнейшем они соглашаются с тем, что словообразовательные категории языка можно и даже нужно изучать в аспекте функционально-грамматического подхода и в разрезе теории ФСП, но при соблюдении некоторых условий: “При изучении словообразования в функционально-стилистическом аспекте существенно определить реальные и потенциальные возможности словообразовательная система в разных функциональных разновидностях современного языка, определить “инвентарь” словообразовательных средств (выражающих определенное значение) и их реальное распределение, функциониро-

вание в разных типах речи” [12, с. 103].

Под “инвентарем словообразовательных средств” авторы понимают общепринятые словообразовательные способы словопроизводства: 1. аффиксацию (суффиксацию, префиксацию и суффиксально-префиксальный способ), 2. безаффиксное словопроизводство, 3. словосложение и 4. аббревиацию [12, С. 97-100].

Данные способы словообразования являют собой не что иное, как “функционально-стилистические” категории с общими значениями (семантическими признаками), которые распадаются на разное количество частных словообразовательных категорий. Именно частные словообразовательные категории, способы, типы образуют словообразовательное грамматическое поле, или ФСП словообразования.

Каждый общий словообразовательный способ (аффиксация, безаффиксное словопроизводство, словосложение и аббревиация) представляет собой в сущности общую функционально-семантическую категорию, которая может явиться цементирующим основанием для одноименного ФСП. Создаваемое же ФСП какого-либо словообразовательного способа, например, аффиксации, всегда имеет статус полицентрического семантического поля, которое “характеризуется разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты” [4, с. 35; 12, С. 130-131].

Из иностранных лингвистических работ, посвященных вопросам направления функциональной грамматики, для нас представляется знаковой монография англоязычных американских лингвистов Т. Гивона и У. Трайбе “Синтаксис. Функционально-типологическое введение” от 1984 г. [14], в которой означенные ученые впервые распространили основы теории функциональной грамматики на более объемную структуру нежели предложение-высказывание – на структуру ограниченного текста, микротекста, называемого

еще в последнее время дискурсом.

ДИСКУРС. Означенные выше двое ученых Т. Гивон и У. Трайбе выделили дискурс как обособленную структуру для лингвистического анализа и определили некоторые его признаки, отличающие его от явления текста. Они выделили 7 таких признаков: 1) дискурс существует как в устной, так и в письменной форме, в то время как текст существует только в письменной форме; 2) дискурс оперирует информацией частного, более суженного характера, в то время как текст – таковой более общего характера; 3) дискурс имеет целеустановки воздействовать на реципиента в краткой, обозримой перспективе; 4) дискурс отображает некоторое событие в его, по возможности, сжатом виде, в то время как текст отображает его в подробном, расширенном масштабе; 5) дискурс кодирует и предлагает для дальнейшего раскодирования смыслы со сжатой логической структурой, в то время как текст – таковой с широкой логической структурой; 6) дискурс может сопровождаться (в крайнем случае имеет такую возможность) паралингвистическими единицами, в то время как текст такого иметь не может; и 7) дискурс всегда реализует предикативную соотнесенность с экстралингвистической реальностью, в то время как текст реализует более широкую пропозитивную соотнесенность с таковой [14, С. 239-249].

Дискурс является такой речевой структурой, которая функционирует параллельно к тексту. Но все же основное отличие дискурса от текста заключается в том, что дискурс может быть проанализирован и изучен методами функциональной грамматики, т.е. с использованием общих функционально-грамматических (-семантических) категорий, частных семантических категорий (признаков) и понятия ФСП [14, С. 287-290], а текст же такому изучению не подлежит.

Предикативность дискурса обуславливает его небольшой объем и конкретную

ориентированность информации на заинтересованного адресата. В дискурсе ярко “высвечиваются” реальные ситуации их окружающей действительности. Так, к примеру, текстовое образование о продаже автомобиля (письменное объявление) есть деловой дискурс. Общая функционально-семантическая категория здесь – это факт выставления на продажу некоторого автомобиля, частные же семантические признаки – разнообразные технико-эксплуатационные параметры данного автомобиля: марка, год выпуска, пробег, назначение (фургон, кабриолет, седан, и др.) и т.д. Данные общие функционально-семантические категории и частные семантические признаки дискурса объявления непосредственного трансформируют его в соответствующее ФСП делового дискурса с моноцентрической организацией.

При сравнении языков с одинаковыми грамматическими категориями (например, артикль в германских и романских языках) можно создать единое функцио-

нально-семантическое поле (ФСП). Однако, если какая-то категория есть в одном языке и отсутствует в другом (например, инфинитив в английском и его отсутствие в кыргызском), то для каждого языка нужно конструировать отдельное ФСП.

Таким образом, в таком случае, когда определенная грамматическая категория имеется в одном языке и что существует в другом, необходимо для каждого языка конструировать свое отдельное ФСП и уже сравнивать эти языки по структурно-полевому методу путем сопоставления друг с другом этих ФСП. Именно для аналогичных случаев делает замечание один из родоначальников теории функциональной грамматики и теории функционального поля: “Представляется важным принцип самостоятельного и независимого анализа ФСП в каждом из сопоставляемых языков. Это необходимо для каждого для того, чтобы избежать переноса структур одного языка на другой” [2, с. 33].

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Бондарко, А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв.ред. В.Н. Ярцева. – М. : Наука, 1987. – С. 26-37.
3. Жумакеева, Э.Б. К вопросу о сопоставительном германо-тюркском языкознании и о значимых сопоставительных англо-кыргызских функционально-семантических исследованиях / Э.Б. Жумакеева // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. – 2016. – № 3-4(37-38). – С. 7-9.
4. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
5. Теория функциональной грамматики: Темпоральность, Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко – Л. : Наука, 1990. – 263 с.
6. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
7. Козинцева, Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с актуальными, модальными, таксисными значениями. Л. : Наука, 1991. – 144 с.
8. Виноградов, В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие. – Учпедгиз, 1947. – 784 с.

9. Худяков, А.А. Теоретическая грамматика английского языка. Учеб. пособ. для студ. – М. : “Академия”, 2010. – 256 с.
10. Иванова, И.П. Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. Учебн. для вузов. – М. : Наука, 1991. – 144 с.
11. Close, R.A. A Reference Grammar for students of English. – Moscow : Prosveshenie, 1979. – 342 p.
12. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1989. – 284 с.
13. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1991. – 247 с.
14. Розенталь, Д.Э. Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пос. для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
15. Givon, T., Tribe, U. Syntax. A Functional-Typological Introduction. Vol. I. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. – 464 p.